

мнение является важным для руководства, это помогает им работать более эффективно. Даже неважно, будут ли замечания сотрудника приняты в практическую деятельность. Важно, чтобы сотрудник просто мог их высказать. Кроме того, эти предложения или жалобы могут действительно оказаться полезными.

Результаты данного пилотного опроса характеризуют уровень развития и проблемы реализации социальной политики на небольшом промышленном предприятии Уральского региона, каких множество в России.

Список литературы:

1. Стандарт социальной ответственности IC CSR-08260008000.
2. Правила внутреннего распорядка ООО «База Строительных Изделий»
3. Ворожейкин И.Е. Управление социальным развитием организации. М.: ИНФРА-М, 2011. – 512 с.

УДК 316.4

КРИТЕРИИ ПРОГРЕССА В РУССКОЙ СОЦИОЛОГИИ XIX - НАЧАЛА XX ВЕКА

***Проказин Виктор Валентинович**
кандидат философских наук, доцент, зав. кафедрой
Амурского государственного университета, Благовещенск
E-mail: prokazinv@mail.ru*

THE CRITERIONS OF PROGRESS IN THE RUSSIAN SOCIOLOGY AT XIX - XX CENTURY

***Viktor Prokazin**
Candidate of Science, Head of department, assistant professor
Amurskiy State University, Blagoveshensk*

АННОТАЦИЯ – В статье идет речь о проблеме критериев прогресса в русской социологии XIX- начала XX века

ABSTRACT – The article is devoted to the problems of the criterions of progress in the Russian sociology at XIX - XX century

Ключевые слова: русская социология; прогресс; критерии прогресса

Keywords: the Russian sociology; the criterions of progress

Русская социология XIX-начала XX вв. представляет собой чрезвычайно богатый период в развитии отечественной социологии. Как отмечает современный исследователь, «в рамках этого этапа оказались сформулированными основные социологические идеи, синтезировавшие лучшие достижения мировой (европейской) социологии с концептуальными положениями отечественных исследователей, в которых был дан анализ специфических социальных проблем российского общества. Классический этап оказался непродолжительным по времени, однако достаточно богатым по содержанию. В сравнении с классической западно-европейской социологией российская «классика» оказалась не столь протяженной (в Европе этот период продолжался на 30 лет больше), но не менее насыщенной социологическими открытиями, событиями и исследованиями» [1; 82].

Главной задачей социологии XIX в. было «осмыслить те колоссальные социальные сдвиги, которые происходили в Европе на волне революций: процессы индустриализации, урбанизации, становления капиталистического общества и разрушения традиционного, аграрного, общинного уклада жизни» [2; 135]. Становится понятным, почему ключевыми при этом стали проблемы социальной динамики и прогресса. П. А. Сорокин писал, что «главной целью и главной заботой естествоиспытателей, философов, представителей общественных и гумани-

тарных наук в эти столетия были отыскание и описание этих «вечных законов прогресса и эволюции» и разработка основных стадий, или фаз, которые проходит этот процесс, все более полно реализуясь во времени. На отыскании, описании и подтверждении существования тенденций и соответствующих им стадий были сосредоточены усилия биологии и социологии, философии, истории, социальной философии и других общественных и гуманитарных наук XIX в. В этом смысле вся общественная мысль XVIII и XIX веков отмечена верой в линейные законы эволюции и прогресса» [3; 372-373]. А. Босков также отмечает, что вплоть «до Первой мировой войны в своем мышлении и работах социологи склонны были выдвигать на первый план вопросы изменения, «динамики» и «прогресса»[4; 300]. Более того, научная разработка проблемы прогресса конституировала социологию как новую науку об обществе. В силу специфики развития России для отечественных социологов разработка проблемы прогресса означала еще и определение перспектив развития общества, путей и способов его преобразования.

Историко-социологические аспекты проблематики прогресса в отечественной историографии разработаны весьма обстоятельно. Нами уже отмечалась необходимость и потребность ее теоретического осмысления, логической и хронологической систематизации подходов русских социологов к решению проблемы прогресса, построение модели, схемы эволюции взглядов на прогресс русских социологов [5].

Анализ работ социологов позволяет, на наш взгляд, выделить как минимум три основных части общей проблематики прогресса, получивших положительную разработку: 1) цели и критерии прогресса, 2) механизм прогресса и 3) вопрос о возможности и реальности прогрессивной эволюции. Безусловно, ключевой аспект всей тематики прогресса – это вопрос о его критериях. П. А. Сорокин в одной из своих работ отмечал что «решение проблемы прогресса заключалось в том, чтобы найти объективный, обязательный критерий, на основании которого можно было бы сказать: «это изменение прогрессивное, т. е. направлено от худшего к лучшему», «это – регрессивное, т. е. направлено от лучшего к худшему» [6; 82].

В российской социологии XIX – начала XX вв. имело место множество попыток поиска таких критериев. Соответственно встает проблема как-то систематизировать подобные попытки, выявить типичные подходы и типологизировать критерии прогресса. Прежде всего, все многообразие решений этого вопроса в русской социологии XIX - начала XX вв. может быть сведено, как и в мировой, к двум основным. Поскольку проблему прогресса можно рассматривать в качестве либо «оценочной», либо «безоценочной», постольку и критерии поступательного развития общества могут быть сформулированы таким же образом. В первом случае проблема прогресса формулируется как проблема движения общества и его подсистем к некоему социальному идеалу. Критерием, мерой поступательного развития при этом будут выступать степень, уровень, объем реализации достижения соответствующего идеального состояния как конечного результата.

Так называемые «оценочные» теории прогресса конструируются, по мнению Сорокина, следующим образом: тот или иной критерий («высшая ценность», «основная норма», «идеал») берется в качестве решающего критерия для оценки той или иной эволюции как прогресса или регресса. Всякий эволюционный процесс, приближающий нас к реализации основной нормы, принципа или идеального состояния, будет прогрессом, а всякая эволюция, удаляющая от поставленного идеала, – регрессом. С такой позиции возможна оценка эволюции только как прогрессивной или только как регресса либо признание одних ее звеньев прогрессивными, а других – регрессивными. Такое понимание породило, с одной стороны, оптимистические теории, объявляющие историю человечества почти сплошным прогрессом, а с другой, – пессимистические, рассматривающие историю как вырождение, регресс, в середине оказались те, что считали одни этапы истории прогрессивными, а другие – регрессивными. Недостаток «оценочных» теорий прогресса в том, что ни одна из них не может быть общезначимой и логически доказуемой (недоказуема никакая норма). Логически тот или другой идеал будет одинаково равноправен и одинаково обоснован или необоснован. Поэтому, с теоретической точки зрения, всякая оценочная формула прогресса условна, необязательна и субъективна.

В случае «безоценочной» формулировки проблемы прогресса критерием последнего будет, как отмечал Сорокин, время: «что позже, то и лучше». Такие теории просто удостоверяют существование постоянных эволюционных тенденций. Недостаток подобных теорий в том, что они, как считает Сорокин, «не решают, а устраняют проблему прогресса».

Как и в западной социологии, «оценочный» подход был преобладающим в российской социологической литературе. Причины этого – в общих особенностях русской социологической мысли с ее прагматической направленностью («политической ангажированностью»), стремлением найти и обосновать общезначимый социальный идеал, руководствуясь которым можно обеспечить обществу стабильность и развитие. Проблема критериев прогресса предстает как проблема выработки некоего общественного идеала. С. Н. Булгаков отмечал: «Для того чтобы говорить об усовершенствовании как приближении или стремлении к некоторому идеалу совершенства, нужно наперед иметь этот идеал» [7; 137]. Н. И. Кареев в статье «Философия, история и теория прогресса» писал: «Чем может быть формула прогресса, его теория? ...какое значение может иметь вообще подобная формула. ... Она должна дать идеальную мерку для оценки хода истории, без какой-либо оценки невозможен суд над действительной историей, невозможно отыскание ее смысла...» [8; 106]. А. Ершов также подчеркивал, что «для того, чтобы говорить об улучшении жизни, производить оценку ее, необходимо иметь критерий, «предвзятое мнение», ... которое давало бы возможность расценивать явления и состояние жизни по категориям лучшего или худшего. Самое слово «прогресс» предполагает существование в уме говорящего его мерку, прилагаемую им к содержанию эмпирической жизни, предполагает идеал» [9; 628].

К категории «оценочных» следует отнести подавляющее большинство теорий прогресса, созданных русскими социологами. При этом в качестве «идеала», «критерия» в этих теориях выступали самые разные принципы. Если попытаться свести все эти критерии в какие-то группы, то в качестве основания для этого можно взять способ формулирования, выведения самих критериев. Выработка их осуществлялась двумя основными путями: 1) априорного формулирования, исходя из существования абсолютных норм добра и зла, что свойственно, прежде всего, неокантианской антипозитивистской социологии, 2) научного выявления общего в понимании «худшего» и «лучшего», которое имелось в разные времена у разных народов, классов, групп.

Какой способ самый распространенный в русской социологии? Она отражала в этом отношении, как и во многих других, основные тенденции мировой социологической мысли. В истории идеи прогресса можно выделить несколько этапов, различающихся преобладанием или различным сочетанием способов выведения прогрессивного идеала. В истории западной социальной мысли раньше других возникают априорное определение идеала прогресса и построение априорных схем поступательного развития общества.

Первый этап (XVIII - первая треть XIX вв.) – безраздельное господство априорных определений идеала прогресса. П. А. Сорокин пишет, что этот путь «чрезвычайно старый, особенно любимый метафизиками-философами». Н. И. Кареев отмечает, что «идея прогресса в конце XVIII в. имела слишком субъективный характер», не ориентированный на данные научного знания. Это был, по его словам, этап «чрезмерного субъективизма» в трактовке идеи прогресса.

Второй этап (вторая половина XIX в.) – попытки научного, социологического ее формулирования. По мнению Н. И. Кареева, во второй половине XIX в., как негативная реакция на крайний субъективизм, возникает другая крайность – «излишний объективизм», приписывающий социальной эволюции «безличный характер». Исследовательские подходы от создания априорных схем, свойственных прошлому, переместились в область поиска объективных механизмов исторического процесса. Кареев имеет в виду «безоценочный» подход, идущий от О. Конта и Г. Спенсера.

Третий этап (рубеж XIX-XX - начало XX вв.) – возрождение априоризма в определении критериев прогресса. В это время становится «модным», по замечанию Сорокина, «пер-

вый путь» (особенно в России). Понимание прогресса базируется на телеологизме, субъективизме и нормативизме.

Р. Ю. Виппер также выделяет похожие этапы в развитии социальной мысли и, следовательно, в понимании сущности прогресса, рассуждает о «надвигающихся теоретических проблемах в области истории» и говорит о связи исторического познания с развитием философии. Он пишет, что приблизительно с середины XVIII в. историческая мысль развивалась по преимуществу в рамках особой системы понятий, за которой осталось название «философия истории». В философско-исторических построениях, в сущности, не выяснялись причинные связи, закономерности явлений. Изображались фазы единственного явления, метаморфозы, ступени торжества общечеловеческой культуры, крестный ход, триумфальное шествие человеческой истории. Перед людьми чудесный путь: нужно понять направление его движения, его темп, его результаты, тогда нам откроются новые, может быть, последние на земле перспективы – вот что хотела сказать человечеству восторженная, полная веры философия истории.

Второй период («социологический»), начинающийся с конца первой четверти XIX в., связан с настроениями разочарования и в политическом, и в философском, и в религиозном отношениях. Вера в непрерывность прогресса пошатнулась. «Установление причинных рядов... открытие «законов» смены и движения» – вот формулировка основных задач в изучении исторического процесса в это время [10; 57-59]. Таким образом, социологическое (научное, не философское) видение прогресса связано, по мнению Виппера, с разочарованием в идее прогресса, с пошатнувшейся верой в прогресс, с сомнением в достаточности лишь философского его обоснования. Очевидно, задача социологии с ее инструментарием состояла в научном доказательстве возможности и реальности прогресса, в поиске его объективных критериев на почве использования научных методов. Доминирующим в русской социологии всегда был позитивизм в виде как эволюционизма, так и неопозитивизма. В связи с этим подавляющая часть попыток сформулировать прогрессивный идеал осуществлялась при использовании сравнительного и индуктивного методов познания на основе изучения исторического опыта.

Современный подход к хронологической систематизации материала предполагает выделение по некоторым основаниям определенных этапов в обсуждении проблемы критериев прогресса. В эволюции русской дореволюционной социологии принято выделять три основных фазы (хотя существуют и другие подходы). «Каждая фаза эволюции представляет собой крупную теоретическую систему, содержащую в себе одновременно различные типы социального исследования, как основные, выделенные в данной схеме, так и промежуточные, выступающие отчасти в защиту основного типа, отчасти против него. История русской буржуазной социологии знает несколько относительно законченных главных типов. В основном они последовательно появляются друг за другом, но не всегда исчезают полностью, и тогда они начинают сосуществовать параллельно. Так, на первой фазе главный тон задает натурализм, но это вовсе не означает отсутствие у него серьезных оппонентов. На второй фазе набирают силу антипозитивистские объяснительные модели, но это не означает автоматического исчезновения традиционного позитивизма. На третьей мы видим предыдущие модели и нового лидера в лице неопозитивизма. Поэтому любая последующая фаза дает новые фактические компоненты, новые связи между ними, и ее структура усложняется. ... Построение подобной типологии, т.е. написание именно теоретической истории социологии, дает возможность объяснить стойкий интерес к одним темам и быструю смену других, поэтапное распределение исследовательских интересов, изменение значения используемых понятий, появление новых и, наконец, оценить оригинальность индивидуальных вкладов, выход за сложившуюся систему понятий. Иными словами, проследить процесс наследования определенных принципов на последующих фазах, т.е. эволюцию» [11; 32-33].

Первая фаза (1860-1890-е гг.) характеризуется господством натуралистических, позитивистских моделей общества. В основе большей части создававшихся в этот период теорий прогресса (равно как и других) лежат следующие основные теоретико-методологические

принципы – эволюционизм, социологический реализм, детерминизм и редукционизм. *Вторая фаза («синтетическая»)* начинается с 1890-х гг. и характеризуется сильными антипозитивистскими настроениями. В это время расширяется критика позитивизма и эволюционизма, разворачиваются поиски специфики социального, создаются номиналистические концепции прогресса, на вооружение социологами берутся интроспекция и нормативизм. *На третьей стадии в первое десятилетие XX в.* возникает неопозитивизм, толкующий социологию как науку о социальном поведении, понимаемом бихевиористски. Авторы, создающие теории прогресса, пытаются их эмпирически обосновать, опираясь на рефлексологию (физиологию) и статистику. Представляется, что в определенной степени данная схема может быть принята и для хронологической систематизации обсуждения проблемы критериев прогресса. На наш взгляд, своеобразие трактовки проблемы критериев прогресса теми или иными авторами было связано с взаимодействием двух групп факторов: с одной стороны, теоретико-методологических ориентаций социологов, а с другой, – социальных ценностей, на которые были ориентированы авторы теорий прогресса. В. В. Козловский пишет: «Разнообразные направления и традиции отечественной социологии, их парадигматика и методы могут быть точнее раскрыты на базе нескольких существенных признаков, характерных для всей палитры социальной мысли в России. ...таким основным критерием наряду с выделением теоретико-методологического принципа служат фундаментальные ценностные установки русских социологов и социальных мыслителей. Ядро базисных признаков данного критерия составляют: во-первых, образ (модель) общества в доктрине социолога, в которой выделены доминанта и иерархия общественного устройства; во-вторых, нацеленность на сохранение или изменение социального порядка и на определенный способ преобразования общества; в-третьих, статус личности и социальных институтов в социологической концепции» [12; 12-14].

Беремся утверждать, что имеет место определенная корреляция между теоретико-методологическими установками отдельного исследователя и характером социальных (идеологических) ценностей. При этом детерминирующим фактором выступают социальные ценности. В качестве критериев прогресса предлагались многочисленные и разнообразные принципы. Все их можно разделить на две основные группы в зависимости от того, что признается тем или иным социологом в качестве субъекта прогрессивного развития – личность или общество в целом с его отдельными институтами. Следовательно, можно говорить, на наш взгляд, о критериях 1) прогресса личности. 2) развития общества в целом с его институтами. На наш взгляд, в значительном числе случаев выбор личности как субъекта и цели прогресса обуславливает в области теории номиналистический подход, а в области методологии – методологический субъективизм; выбор в качестве субъекта и цели прогресса общества и его институтов – соответственно социологический реализм как онтологическую ориентацию и методологический объективизм.

В общественном сознании пореформенной России XIX в. выделяются три основные группы социальных ценностей, характеризующих позиции всех социально активных слоев общества и лежащих в основании представлений о прогрессивном идеале, и соответственно три основные ориентации в отношении к модернизации страны.

Ориентация на стабильность (К. Н. Леонтьев, Н. Я. Данилевский, Н. Н. Страхов, П. Ф. Лилиенфельд и др.) предполагала консервативный идеал, включающий крепкую самодержавную власть, мощное государство, укрепление национального духа, патриархальных традиций, православия, сохранение существующей социальной структуры, равновесие и социальный мир.

Либеральный идеал разрабатывался в теориях прогресса Е. В. Де Роберти, М. М. Ковалевского, С. А. Муромцева, П. И. Кареева, П. А. Сорокина и др. Ядром его были принципы индивидуальной свободы (естественных прав и свобод человека, равноправия), законодательно-легитимной власти, демократии и права, развития знания, науки и техники, просвещения и образования и т. п.

Тенденцию реформирования выражал также *либерально-консервативный идеал прогресса*. Для его сторонников (Б. Н. Чичерин, П. И. Новгородцев, П. Б. Струве, И. А. Ильин, С. Л. Франк, Н. Н. Алексеев и др.) ценными являлись и сильная государственная власть, мощное с одной стороны, государство, и принципы личной свободы и прав человека, – с другой.

Радикальный общественный идеал, провозглашаемый *народничеством* (П. Л. Лавров, Н. К. Михайловский), *анархизмом* (М. А. Бакунин, П. А. Кропоткин) и *марксизмом* (Г. В. Плеханов, В. И. Ленин, Н. И. Зибер), содержал стремление коренным образом преобразовать существующие общественные и государственные порядки для достижения высшей социальной справедливости, понимаемой, однако, специфически в каждом из названных направлений.

Представляется, что в процессе обсуждения проблемы критериев прогресса в русской социологии рассматриваемого времени имело место расширение и усиление позиций тех авторов, которые признавали в качестве высшей ценности благо отдельной личности и для которых была характерна номиналистическая онтологическая позиция. На первой указанной нами фазе данный подход был представлен лишь «субъективной школой», на второй – к ней «присоединяется» неокантианская социология, на третьей – к уже названным подходам добавляется неопозитивистская социология как наука о социальном поведении индивида. С чем связана данная тенденция? И. А. Голосенко отмечает, что исторически первым в социологии возникла реалистическая теоретическая установка, а социологический номинализм, который окончательно оформился как идейное течение к концу 1890-х гг. и получил широкое распространение среди буржуазных социологов на рубеже двух веков, явился «критической реакцией» на него. «Номинализм возник как протест против сведения личности к «части социального целого», к «передаточной инстанции исторической необходимости» и т.д., он выступил с резкой критикой интерпретации общественной жизни как игры неких сверхличностных сил»[13,с.167].

Предложенная схема лишь в самых общих чертах обозначила общее в подходах русских социологов к выработке критериев прогресса и процесс обсуждения этой проблемы.

Список литературы:

1. Зборовский, Г. Е. Отечественная социология: на пути к гражданскому обществу: монография. – Екатеринбург : УрФУ, 2014. – 344 с.
2. Штомпка П. Социология социальных изменений / под ред. В.А. Ядова. – М. Аспект Пресс, 1996. 415 с.
3. Сорокин П.А. Социокультурная динамика и эволюционизм / Американская социологическая мысль. – М., 1996. С. 372-392.
4. Босков Г., Босков А. А. Современная социологическая теория в ее преемственности и изменении. М., 1961. 882 с.
5. Проказин В. В. Проблема прогресса в русской социологии XIX - начала XX вв. – Благовещенск : Амурский государственный университет, 2006. 152 с.
6. Сорокин П. А. К вопросу об эволюции и прогрессе / Вестник научной психологии, криминальной антропологии и гипнотизма. 1911. Т. 8. Вып. 3. [СПб.] С. 67-95.
7. Булгаков С. Н. Основные проблемы теории прогресса // Булгаков С.Н. Труды по социологии и теологии. В 2-х т. Т. 1: От марксизма к идеализму. М., 1997. 335 с.
8. Кареев Н. И. Философия, история и теория прогресса // Знание. 1876. № 2. С. 83-110
9. Ершов А. Проблема прогресса и идея личности // Вера и разум. 1914. № 7.
10. Виппер Р. Ю. Две интеллигенции и другие очерки: сб. статей и публичных лекций. 1900-1912. М., 1912. 292 с.
11. Социологическая мысль в России: очерки истории немарксистской социологии последней трети XIX - начала XX века / под ред. Б.А. Чагина. Л. Наука, Ленингр. отд., 1978. 416 с.
12. Козловский В. В. Дилеммы дореволюционной российской социологии / Российская социология: историко-социологические очерки. М., 1997. С. 31-52
13. Голосенко И. А. Реализм и номинализм в истории буржуазной социологии // Социс. 1979. №4. С. 162-169.